

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

ХАРРИ ЛЕХИСТЕ

**ПЛАТА
ЗА
ПРИНЦИП**

БИБЛИОТЕКА «КРОКОДИЛА» № 7

ХАРРИ ЛЕХИСТЕ

ПЛАТА ЗА ПРИНЦИП

РАССКАЗЫ,
ФЕЛЬЕТОНЫ,
ЮМОРЕСКИ

Перевод с эстонского Эдгара Сприйта

Рисунки Б. САВКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • МОСКВА • 1963

Харри ЛЕХИСТЕ

Харри Лехисте родился в 1931 году в Эстонии в крестьянской семье. Окончил Тартуский университет. С тех пор активный труженик сатирического цеха, пишет преимущественно юмористические рассказы и фельетоны. Работает в редакции эстонского журнала сатиры и юмора «Пиккер». Лауреат республиканского конкурса на лучший фельетон за 1961 год.

Настоящий сборник — первая самостоятельная книжка молодого автора.

ПЛАТА ЗА ПРИНЦИП

В мире всякое бывает. Ходишь ли ты на работу, или сидишь дома и смотришь телевизор, ты даже не подозреваешь, какие интересные события происходят в мире.

Но бывает и другое — иногда совсем неожиданно попадаешь в самую гущу событий. Об этом я и хочу рассказать.

Я работаю десятником в ремонтной конторе. Однажды бухгалтерша, встретив меня на пороге, таинственно прижала палец к губам: — Псст!

А машинистка, заговорщически подмигнув мне, прошептала:

— Теперь начинается. Он сказал, что так не оставит. Он дойдет до самого арбитража и...

— Какой арбитраж! — перебила ее бухгалтерша. — Я вам скажу, что теперь дело дойдет до самого министра!

Я сначала ничего не понял. Однако все постепенно выяснилось: речь шла о недавно переданном нашей конторе старом складском помещении, у которого протекает крыша. Крышу надо было ремонтировать. Одному рабочему на неделю работы. Да и десяток листов железа, что потребуется для покрытия, тоже были сушие пустяки, учитывая наши возможности. Я зашел к начальнику конторы и заявил ему об этом.

Начальник глубоко вздохнул:

— Разумеется, ты прав. В твоём мнении я вижу классовое чутьё пролетариата. Однако ты забыл, что у этого дела есть и другая, принципиальная сторона. Приказали им передать нам этот склад в полном порядке? Приказали. А они? Плюнули на приказ вышестоящей инстанции и подсунули нам развалину. Если мы будем ремонтировать, то нас, естественно, спросят: зачем? Где у нас основания, чтобы расходовать рабочую силу и материалы? У нас нет никаких оснований. Нельзя идти на компромисс, где нужна высокая принципиальность!

И битва развернулась. Наняли специального юрисконсульта, оформив его на должность мастера. Мастер-юрисконсульт. Это уже было кое-что! И сразу же началась артиллерийская подготовка. Письмами. Машинистка строчила с утра до глубокой ночи, будто она на шельщине, а не на твердом месячном окладе. Потом начальник конторы и юрисконсульт пошли в решительную атаку.

— Противник у нас коварный,— предостерегала их бухгалтерша.— Все уловки знает. Они ведь тоже наняли юриста под видом инженера по технике безопасности. Но наш мастер, хотя и получает меньше, переплюнёт его. Вот увидите!

Атака не удалась. Начальник конторы вскоре выбился из сил, стал жаловаться на отсутствие сна, аппетита, покоя и взял себе внеочередной отпуск. Через неделю его вызвали обратно. Наш мастер все же оказался слабее ихнего инженера по технике безопасности!

Эта священная война длилась ровно год. Все мы уже к ней привыкли. Человек ведь ко всему привыкает.

А вчера утром, когда я пришел в контору, чтобы забрать выписанные мне наряды, я застал там обстановку полной растерянности. Бухгалтерша прикладывала холодный компресс машинистке, уборщица готовила валерьянку для бухгалтерши, а мастер-юрисконсульт в последний раз расписывался в расчетной ведомости.

— Увы, дружище! — устало сказал мне начальник конторы, когда я зашел к нему подписать наряды.— Слыхали?! Полный шах и мат! Уже нет сил бороться. Завтра иду на врачебную комиссию. Наверняка вторую группу инвалидности получу.

— Ужасное поражение! — вздохнул я.— Подумать только, сколько энергии, бумаги, времени, государственных денег зря пропало!

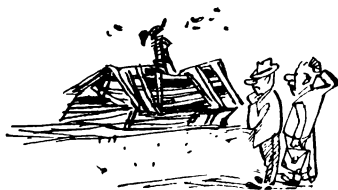
— Почему зря? — ответил начальник.— Мы ведь победили! Вот выписка из приказа министерства.

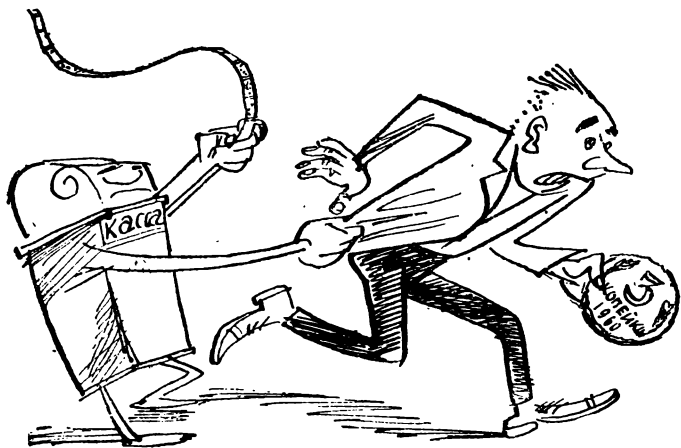
Он подал мне бумажку. Ур-ра! Мы действительно победили. Ремонт должны были сделать они. Но что это? Двумя строками ниже я прочел, что по решению министерства наши враждующие кон-

торы объединяются и начальником назначают нашего шефа. Вот так клюква!

Сегодня мы с шефом осмотрели складское помещение. Печальная картина. Пока мы воевали, крыша разрушилась полностью, стены сгнили, а пол... Э, да что там говорить! Помещение надо строить заново. Наш начальник ужасно рассердился на своих бывших противников, ныне его подчиненных. Ведь это они виноваты, что мы несем теперь такие большие расходы.

Да, принцип тоже, как видите, кое-что стоит!

ЧЕСТЬ В ТРИ КОПЕЙКИ

В трамвайном тресте произошло небывалое событие. Весьма странное и загадочное. Ночью, когда движение транспорта прекратилось и люди начали вскрывать кассовые автоматы, в них среди монет трехкопеечного достоинства обнаружилась честь многих граждан нашего города.

Да, именно честь, самое ценное качество, присущее каждому порядочному человеку.

— Что же делать? — Работники трамвайного треста растерянно переглядывались друг с другом. Слишком необычной была находка, и трудно было сразу определить правильный подход к ней.

— Вот что! — сказал наконец один из кондукторов. — Мы не можем оставаться равнодушными. Представьте себе этих несчастных, которые в данную минуту беззаботно спят и не подозревают даже, что их честь находится здесь, в этом металлическом ящике. Они уже не в состоянии честно работать, честно трудиться, любить. Они ведь теперь — о боже, помоги им! — бесчестные. От них теперь всего можно ожидать. Даже преступления!

Ему не возражали. Люди без чести и вправду могут совершать страшные преступления!

В трамвайном тресте объявили тревогу. Одни бросились к телефонам, другие стали составлять и рассылать письма и телеграммы. Все учреждения, заводы, школы, торговые и другие предприятия были извещены: люди, потерявшие честь, могут найти ее в трамвайном тресте!

Трамвайщики вздохнули с облегчением.

Ведь ими спасены сотни людей от большой опасности! Надо только хорошо подготовиться к приему потока людей из учреждений, заводов, школ, предприятий, которые явятся за утерянной ими честью!

Прошел день. Прошел второй. Прошел целый месяц. Однако никто не появлялся. Никто даже не позвонил по телефону.

Общественность треста снова подняла тревогу. Результат был тот же, вернее, никакого результата не было.

Граждане города, однако, стали внимательно следить друг за другом: кто же в конце концов бросает свою честь в автоматическую кассу? Кто еще такой бесчестный? От кого надо ожидать подлостей и страшных преступлений?

Таковых нигде не обнаружили. А между тем работники трамвайного треста опять нашли в автоматической кассе чью-то честь. Тогда они снова обратились в учреждения, предприятия и школы.

— Что вы говорите! — удивлялись педагоги. — Наши ученики потеряли честь? Это явная ошибка! Ученики могут потерять учебник, тетрадь с сочинениями по литературе. Но честь?.. Знаете, у нас все-таки школа. Мы хорошо воспитываем молодежь, а вы говорите о потерянной чести. Нет, нет, вы просто не туда попали!

В учреждениях и предприятиях был ответ куда короче:

— Не морочьте нам голову. Потеря чести? В отчетной ведомости такой графы нет. Вот, пожалуйста, цифры потерь материалов, инструмента, потерь от брака, от прогулов, от перерасхода электроэнергии... А от потерь чести убытков нету! Видимо, вы не туда обратились, граждане!

Трамвайщики совсем растерялись.

Поскольку в автоматических кассах все еще продолжали находить людскую честь, им не оставалось ничего другого, как увеличить штат контролеров, дежурящих у касс.

И что вы думаете? В первый же день были пойманы десять учеников, трое служащих и один рабочий.

— Вы понимаете, что творите? — рассердилась общественность трамвайного треста. — Вы же сознательно теряете свою честь, свое достоинство!

— Честь? — нахально ответили пойманные.— Ну и что? Можете повесить ее у себя на доску объявлений. А три копейки все-таки у нас в кармане останутся.

Да, эти люди бросили свою честь в автоматическую кассу вместо монеты. Честь стоит у них недорого — всего три копейки! Три копейки! Товарищи, скажите, это мало или много?

А одна молоденькая кондукторша недоуменно произнесла:

— Три копейки в кармане. О боже, что же могут натворить эти люди за целый рубль?!

РЕВИЗИЯ

Из Напату поступили сигналы, что бригада ремонтников занимается черт знает чем: лодырничает, пьянствует и, кроме того, делает приписки... Проверку сигналов доверили молодому ревизору Юрию Студню. Как и положено стражу законности и порядка, Студень был полон решимости.

— Я им всем покажу, как надо вести ревизию! Они меня еще узнают! — грозил молодой ревизор.

Юрий приехал на место, огляделся и приступил к делу. М-да! Приписок у бригады хоть отбавляй! Если верить документам, то каждый отремонтированный ею дом должен иметь по меньшей мере десять крыш из первоклассной цинковой жести.

— Этого не может быть! — категорически возразил бригадир, когда ему предложили подписать акт. — Товарищ ревизор, проверьте еще раз! Вы, видимо, не все просмотрели. В шкафу пять папок с документами, их вы еще не видели. Откройте шкаф и убедитесь, а я на минутку уйду.

Студень заглянул в шкаф. Там стояло пять бутылок коньяка марки «КВ».

— Что это? — спросил Юрий ледяным голосом. — Взятка? Нет, голубчик, меня коньяком не купишь.

— Какой коньяк? — Удивленный бригадир подбежал к шкафу. — Действительно, коньяк! Как же он сюда попал, проклятый? Должно быть, остался еще с тех пор, когда в этих помещениях находилась контора потребкооперации. Мы ведь здесь недавно, всего восемь лет. Как же я его раньше не увидел?!

Ревизор конфисковал оставшийся от потребкооперации бесхозный коньяк и собирался уехать, когда его еще раз и очень мило попросили зайти в соседнюю комнату. Там его ожидал празднично накрытый стол. Бригадир и его жена просто таяли перед ним от радости.

— Окажите нам честь, дорогой товарищ Студень, — улыбалась хозяйка. — Мой муж говорил так много хорошего о вас, что я решила непременно познакомиться с вами. Садитесь, пожалуйста, будьте гостем. В нашем захолустье так редко удается поговорить с интеллигентным человеком! К тому же у меня сегодня день рождения, и я очень хочу, чтобы вы выпили рюмку за мое здоровье.

— Поздравляю вас. — Юрий склонил голову. — Рад с вами познакомиться...

Он уселся за стол и... и вспомнил об акте.

— Нет, нет, — сказал он строго и встал, — я человек абсолютно неподкупный. Закон есть закон, а я его слуга!

Юрий повернулся и ушел поскорее от соблазна, ибо еще не обедал и очень хотел есть. Поэтому он направился прямо в соседний ресторан, заказал себе порцию битков в сметане и две бутылки пива. Подкрепившись, ревизор направился к начальству ремонтной конторы.

— Не может быть, — лениво протянул начальник, разглядывая акт. — Это дело надо расследовать. Я сам выеду на место. Мои работники — люди сознательные, не может быть, чтобы... Воспитательная работа среди них проводится регулярно. Словом, приходите завтра!

... Что ты тут натворил, мошенник? — заорал он на бригадир. — Пачкаешь честь конторы! Отвечай прямо: правда это или нет?

— Правда, — уныло признался бригадир. — Уж очень строгий контролер попался. Пробовал я ему подсунуть пять бутылок коньяка, организовал роскошный стол. А он ни в какую. Пошел, глупец, в ресторан и лакал там пиво вместо моего коньяка. Ну что мне с ним делать?

— Лучше спроси, что с тобой делать! — гневно вскричал начальник. — Опозорил всю контору! Убирайся с моих глаз! Впрочем... пиво, говоришь, лакал? В ресторане? Сам видел? И сколько бутылок?

— Две бутылки «Жигулевского».

— «Жигулевского»? Две бутылки? Гм. А ну, садись за стол и пиши: «Ваш подчиненный ревизор Юрий Студень находился среди рабочего дня в ресторане и пил там...» ээ... ээ... Не кажется ли тебе, что «Жигулевское» для ревизора... как бы это выразиться... слишком мелковато, а? Как бы посиднее назвать то, что он пил?

— Алкогольный напиток.

— Вот именно! Так и напиши. Выпил две бутылки алкогольного напитка.

Начальник задумался.

— Нет, плохо! Надо по-другому. Алкоголь ведь не эстонское слово... Как люди называют употребление алкогольных напитков? Пьянство! Вот правильно. Так и напиши: «...находился среди рабочего дня в ресторане и пьянствовал». Теперь подпиш, и готово!

На следующий день Юрий Студень пришел в контору рано утром. Но ему изрядно пришлось посидеть в приемной, прежде чем начальник изволил его принять.

— Садитесь! — сказал начальник сухо и продолжал разговаривать по телефону. За первым разговором последовал еще и еще. Словом, начальник освободился примерно через час.

— Прошу вас подписать акт, — сухо предложил ему потерявший терпение Юрий.

Начальник, глядя на ревизора, сложил руки и благодушно завертел пальцами.

— Так вы обнаружили приписки? — спросил он вяло.

— Да, — подтвердил ревизор. — И много.

— Стало быть, настаиваете на своем? — спросил начальник еще более вяло.

— Настаиваю, — подтвердил Юрий. — Факты все подтвердились. Дело о приписках пойдет в прокуратуру!

— Так-так-так... Мило, очень мило... А я лично там был на месте и все проверил. Никаких приписок у них нет. Зато к вам имеется много претензий. Будьте добры, прочтите.

Юрий взял протянутую ему бумагу.

«Ваш подчиненный ревизор Юрий Студень... пьянствовал...»

— Это ложь! — запротестовал Юрий.

— Ну, ну, молодой человек! Это же официальный документ. Подпиши. Печать. Вся бригада видела. А бригада — это коллектив. Улавливаете? Я, конечно, понимаю, тоже ведь человек. Если уж к вам такая болезнь прицепилась, то действительно трудно. Говорят, что это у вас уже не первый раз? А главное, вам никто не поверит. У вас же свидетелей нет. Как ни жаль, но я должен отправить эту

бумагу вашему шефу... Не хотелось бы, но... закон есть закон! Извините! — Голос начальника звучал совсем по-отцовски.

Помолчали. Потом начальник снова спросил:

— Значит, говорите, обнаружили большие приписки? Так-так...

— Я могу еще раз проверить, — дрогнувшим голосом согласился Юрий.

— Да, да, проверьте, — отозвался начальник.

Юрий Студень снова отправился в бригаду. Он открыл свой свиной портфель и извлек из него акт. Вычеркивая слово «коньяк», он сказал:

— Ладно, черт с вами! Я ничего не видел. Но я надеюсь, что и вы тоже меня не видели в ресторане. Договорились?

— Что? Коньяк? — оскорбленно возопил бригадир. — Это как надо понимать? Подкуп? Взятка? Чтобы мы замолчали ваши безобразия? Не выйдет, дорогой ревизор. Я человек абсолютно неподкупный.

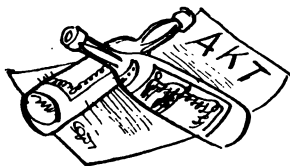
— Какие безобразия? — удивился ревизор. — Вообще, может ли человек скандалить после выпивки двух бутылок «Жигулевского»?

— Кто как, — сказал бригадир. — Давайте проверим! Только вы сами заказывайте. Пошли в ресторан!

Юрий заказал по две бутылки «Жигулевского». Осушил их одну за другой и только хотел уходить, как за соседним столом поднялся шум. Кто-то, тыкая пальцем в сторону ревизора, осыпал его бранью. Затем Студень почувствовал, как кто-то ухватил его за шиворот.

В общем, ревизора втянули в драку. Все было бы хорошо, если бы в отделении милиции не констатировали тот неоспоримый факт, что от ревизора совершенно явно пахло алкоголем, а члены ремонтной бригады, затеявшие драку, были абсолютно трезвыми.

— Ай, ай, ай! — сокрушался начальник конторы, глядя на несчастного ревизора. — С вами ведь говорили, убеждали. А вы? Ничего не поделаешь, придется написать вашему шефу и о драке... Чтобы он все-таки повнимательнее подбирал себе кадры. Да, жалко, очень жалко, но... — он поднял вверх указательный палец, — справедливость prevыше всего!

ПРИГЛАШЕНИЕ

— Юхан спит дома, но несет от него, как от винной бочки. А остальные совсем куда-то подевались,— сказал бухгалтер, когда председатель потребовал людей, чтобы вывезти со станции суперфосфат.

— Опять самогон?! — рассердился председатель. — Уже второй случай за эту неделю. И кто его варит, не понимаю! Если я найду кого, то... никакой пощады! Напоить всю бригаду!

Был субботний день. В конторе, кроме бухгалтера, никого не было. Пришел только румяный Сээди Андрес и принес врачебную справку, что он от физического труда на время освобожден. Он, понимаете, конечно, огорчен, что так получилось, ведь рабочих рук мало и ему тоже хочется помочь общему делу, но... Надо ведь ему хоть немного поправиться!

— Ты лучше скажи, кто у нас варит самогон? — сердито спросил Андреса председатель.

— А что я от этого буду иметь? — хитро улыбнулся Андрес.

— Весь найденный самогон будет твой.

— А если я сам его варю? — засмеялся Андрес. — Договор остается в силе или как?

Председатель только махнул рукой.

— Ну, вот тебе председательское слово! — осклабился Андрес. — Как же тебе можно верить?

— Ладно, если скажешь, получишь всю заварку и еще столько же зерном,— вздохнул председатель.— Но чтобы ты другим не давал, а то опять все перепьются.

— Бухгалтер, будь свидетелем,— торжественно сказал Андрес.— Ты свое обещание дал, теперь я скажу. Самого варю действительно я. У меня в бане большой котел, литров на пятьдесят. На неделю хватит. Недалеко от центра, дорога под боком — словом, все удобства. А вы ищите где-то в лесу. Завтра заварю новый. Приходи поинтересуйся...

— Замолчи уж лучше,— снова махнул председатель рукой.

— Взрослый человек, а говоришь глупости, как мальчишка,— рассердился бухгалтер.

— Если не верите, ваше дело,— сказал Андрес и пошел к двери. На пороге обернулся.— Когда за зерном зайти? Или председатель не хожяин своему слову? — Усмехнулся, щелкнул пальцами и вышел.

— Не понимаю,— произнес бухгалтер.— Он или действительно «стукнутый», или хитрец, каких мало. А может, то и другое? При прежнем председателе он уже однажды попался. Тогда он говорил, что варил себе лекарство. Председатель и сам частенько «лечился» у него. Поэтому Андресу сошло на тот раз.

На следующий день председатель и зоотехник ходили осматривать телят. На обратном пути зоотехник взволнованно дернул председателя за рукав.

— Гляди, гляди, у Сээди Андреса баня дымится. Вчера тоже дымил. Неужто он и вправду самого варит?

Председатель засмеялся.

— Если самогонщики такие дураки, что сами себя выдают и в гости приглашают, тогда верно.

— Зайдем все-таки,— предложил зоотехник.

Они незаметно подошли к строению, где когда-то была кузница, а при ней баня, и укрылись за углом. До них доносился людской говор. Председатель и зоотехник прислушались.

— Ты так ему и сказал? — восхищенно спросил чей-то голос.

— Именно так! — подтвердил голос Андреса.— Сказал, что самого варю я сам. Приглашал даже в гости. Но не поверили мне.

Раздался дружный смех.

— А может быть, просто не пожелали верить? — добавил третий.— Наверное, зерно пожелали. Ведь председательское слово...

— Нет, просто не поверили. Не понимает психологию. Сам окончил всякие там повышенные курсы, а не понимает. Должно быть, для этого нужны какие-то особые курсы...

Слова Андреаса потонули во всеобщем хохоте. Стукались друг о друга железные кружки — должно быть, пили за здоровье председателя...

— Вот паршивцы! — выругаясь председатель.

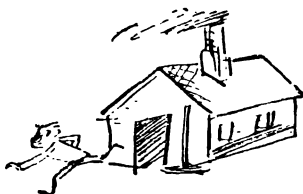
Он вышел из-за угла и нос с носом столкнулся с женой Андреаса. Женщина побледнела, как ялотно, громко закричала от испуга и скрылась в предбаннике, захлопнув за собой дверь. В бане началась страшная суматоха. Слышались крики, брань. Из трубы вдруг повалил черный, густой дым. Сильно запахло самогоном.

Председатель и зоотехник ждали минут двадцать. Потом дверь открылась, и в клубах пара появился Андреас в одних подштанниках.

— Здравствуйте, председатели! Все-таки пришли? Извините, угостить не могу. Жена сдуру весь аппарат поломала, всю заварку опрокинула... Она же не знала, что я вас пригласил...

— Сам виноват, Андреас, надо лучше знать психологию жены, — удовлетворенно сказал председатель и ушел.

Теперь Андреас изучает психологию жены на особых годичных курсах. Изучает пока чисто теоретически, поскольку жена посещает его довольно редко.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Оба они отцы своих городов и, как полагается отцам, усердно пекутся о благосостоянии последних. Во имя этого они соревнуются между собой, стараются перенять друг у друга передовой опыт. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что отец города Соргула товарищ Петер Пикк в один прекрасный день поехал навестить отца города Торгула товарища Пээт Тикка.

Прежде чем зайти к своему сопернику, Петер Пикк ходил целых два дня по городу Торгула и собственными глазами смотрел, как у его соперника работают торговая сеть, предприятия общественного питания, мастерские по обслуживанию населения и вообще все, что ездит горожанам уют и благополучие. Лишь на третий день, когда все было осмотрено, отец города Соргула пожаловал к отцу города Торгула. Удобно вытянув уставшие ноги, Петер Пикк выразил коллеге свое восхищение:

— Скажи на милость, как ты всего этого добился? Всюду у тебя вежливое, внимательное и быстрое обслуживание. Мы у себя сколько раз обсуждали, выносили решения, проводили дни и месячники культурного обслуживания, кое-кого даже наказывали. А результата никакого! Люди, как и прежде, жалуются на то, что их обманывают и обкрадывают, не говоря уже о волоките. Я зашел к вашему часовщику и показал ему свои часы. Он посмотрел и сказал: «Чепуха, пятьдесят

копеек!» А наш часовщик потребовал бы с тебя два рубля! У вашего портного шьют костюм неделю, а у нас надо ждать два месяца... Как вы этого добились? Какую ведете с людьми общественно-воспитательную работу, если не секрет?

— Секрета тут никакого нет,— ответил отец города Торгула.— У нас тоже были жалобы: придет, бывало, какой-нибудь сапожник и пожалуется на портного, что тот его обманул, а через неделю приходит портной и наговаривает на мебельщика. Некоторые даже, бывало, угрожающе размахивали кулаками. А я им говорю: «Зачем вы пришли ко мне? Ведь не я вам шью костюмы и чиню утюги. Вы обратитесь прямо к виновникам!» Сказал так и созвал общегородское собрание. Когда все были в сборе, я закрыл двери на ключ и ушел... Пусть теперь поговорят. Открыл только к вечеру, когда все участники высказались и споры утихли. Повар косился на мебельщика, мебельщик на портного, портной на электрика, электрик на сапожника, сапожник на повара... Но все они молчали, никто больше не жаловался. И работа пошла после этого по-новому... ты сам видел.

— А ведь это идея!— обрадовался отец города Соргула.— Кто выпускает брак? Люди! Кто обманывает заказчика? Люди! Кто жалуется? Обратно люди! Пусть тогда они договариваются сами с собой.

Мы не располагаем точными сведениями, что в Соргула после этого действительно случилось. В нашем распоряжении имеется только такая телеграмма:

«Все порядке тчк Драка была изрядная тчк Не успел лишь вовремя скрыться зпт нахожусь больнице Ваш Петер Пикк».

— Вот это да,— озабоченно сказал отец города Торгула.— Что же нам теперь сделать? Ведь они теперь нас обязательно обгонят!

ВИДРИК ПИЛИТ ДРОВА

Честно говоря, Видрик мне не нравился так же активно, как и его отец. Но я ничего не мог поделать. Не всякий имеет право выбирать себе коллег, тем более их сыновей. Но главное, отец Видрика нравился нашему заведующему. И даже очень нравился. По его мнению, в нашей конторе не было другого такого честного, прилежного, способного — добавьте еще десяток других лестных эпитетов — сотрудника, как отец Видрика.

Однажды заведующий вызвал меня и сказал:

— Сегодня пойдем поздравить товарища Вистрика — у него двойной юбилей: пятьдесят лет со дня рождения и десять с начала работы в нашей конторе.

Пришлось пойти, хотя мне, по правде сказать, ужасно не хотелось.

Во дворе Вистрика мы увидели его сына. Видрик пилил дрова.

— Ой, Видрик! Почему же ты один пилишь? — спросил заведующий. — Твоего отца разве нет дома?

— Дома, — ответил Видрик. — Но у него нет времени. Он должен сделать один всю конторскую работу.

Я окаменел. Признаюсь, если бы не заведующий, мальчишка немедленно схлопотал бы от меня пощечину.

— Видите? — торжествовал заведующий. — Даже ребенок знает, на чьих плечах держится наша контора. О, ты бесконечно прав, мой дорогой, заведующий и твой отец единственные у нас серьезные работники, а другие, — он покосился на меня, — так себе, нахлебники... Получай, голубчик, эти конфетки.

Видрик взял конфеты, подумал и сказал:

— Заведующий? Да ведь он же круглый болван. Если другие хоть кое-что делают, то от заведующего совсем нет толку. Как от козла молока.

Заведующий отшатнулся и быстро зашагал со двора. Я последовал за ним.

Нет, что вы ни говорите, а этот нахал Видрик мне теперь нравится гораздо больше

СКАЗКА О СМЕХЕ

Этот рассказ является выдуманной мною сказкой, и к нему надо так и относиться, как к сказке.

Была одна маленькая страна. Жители ее работали, отдыхали, во время отдыха читали книги, журналы, газеты. И все были довольны.

Но вот однажды один из самых почитаемых авторитетов литературного мира этой страны сделал ошеломляющее открытие:

— Мне кажется, в нашей литературе господствует скука. Юмора у нас нет ни на грош.

— Что верно, то верно,— услужливо подтвердили его коллеги рангом поменьше.

А поскольку это говорили авторитеты, то скоро об этом заговорила вся страна. Немедля стали созываться широкие собрания, узкие заседания, организовываться специальные секции, создаваться компетентные комиссии и коллегии. Энтузиасты литературного мира работали в поте лица, как каторжники на каменоломнях. Однако авторитеты твердили по-прежнему: юмора нет! Тогда энтузиасты разыскали маститых критиков этой страны (немаститых там вообще не было!), и те по специальному заказу анализировали, синтезировали, суммировали вопросы сатиры и юмора. Они не оставили камня на камне, строчки под строчкой, буквы за буквой. И, несмотря на

это, юмористика, как об этом образно сигнализировали авторитеты, продолжала хиреть и сохнуть.

— В конце концов все образуется,— бодро сказал после этого редактор одного из юмористических журналов.— Смех будет! Непременно будет. Нам следует только обратиться к самим авторитетам литературного мира! Только они могут нас рассмешить. И тогда вся страна ухватится от смеха за животики.

С ними согласились и начали действовать.

Первый авторитет, к которому обратились сотрудники журнала, был ужасно растроган.

— Великолепно! Восхитительно! — воскликнул он.— Фельетон, памфлет, юмореска, комедия и так далее.— все это моя стихия. Я обязательно что-нибудь напишу. Так что народ наш посмеется всласть, до упаду. Тем более это необходимо сделать, потому что сейчас под видом юмора печатается сущая чепуха! Я обязательно напишу... Но, к сожалению, теперь у меня нет времени. Текучка, знаете! Переводы разные... Поэма о муравьях еще не закончена. Очень жаль, но... придется подождать. Позвоните в другой раз, годика через два, а еще лучше через три.

Другой авторитет полчаса от души смеялся над будущими своими произведениями, затем тоже сердито напал на современную сатирическую литературу:

— Если уж я напишу, то напишу так, что все написанное раньше просто стухнет и исчезнет. Я так бичую недостатки и пережитки прошлого, что они мигом пропадают, как мухи с наступлением зимы. А мой читатель разом становятся образцами современного положительного героя. Только, к сожалению, сейчас я очень занят. Договоримся так: позвоните мне как-нибудь попозже! Примерно в начале следующей семилетки.

Третий сам позвонил в редакцию. Он предложил тему, которая, по его словам, должна потрясти всю страну. А именно: в доме, где он живет, как раз напротив двери его собственной квартиры, два дня тому назад перегорела лампочка. В коридоре теперь темная ночь.

— Напишите фельетон «Куда смотрит домоуправление?» — посоветовал он.— Я бы сам написал, но очень занят...

Четвертый, пятый, шестой авторитеты тоже были озабочены состоянием смеха. Они давали глубокомысленные советы, предсказывали большую будущность юмористической литературе, но сами они (опять-таки к сожалению!) никак не располагали временем...

Итак, положение со смехом оставалось по-прежнему грустным. Трудно сказать, что бы получилось, если бы не редактор... Он стал

усиленно распространять слухи, что авторитеты литературного мира не пишут смешно просто потому, что у них нет на это таланта.

Благодаря этим слухам или по другой какой причине, но в редакцию юмористического журнала вскоре поступило шесть фельетонов от вышеназванных шести авторитетов. Они стыдливо попросили напечатать их произведения под псевдонимами. Иначе они не согласны. Ведь среди авторитетов считалось, что писать смешно ниже их достоинства.

— Я же сказал, что смех будет,— радостно сказал редактор и написал все шесть фельетонов к печати.

День, когда вышел номер с шестью фельетонами, написанными столь авторитетными перьями, явился праздником для всей редакции. Уборщица заварила лучшего чаю, корректорша принесла цветы. На видном месте на круглом столе лежал открытый номер журнала. Приглашены были все энтузиасты и активисты смеха. Они мирно сидели по углам. За круглым столом по очереди выступали шесть авторитетов:

— Ха-ха-ха! Взгляните хотя бы на это. Это же сущая белиберда! Непонятно, зачем редактору понадобилось печатать такую стряпню?

— А другие разве лучше? Ерунда! Ха-ха-ха!

— И псевдонимы придумали какие-то глупые.

От всей души смеялись авторитеты. Они и не подозревали, над кем смеются.

А раз так, то их веселье продолжается. И если с ними ничего не случилось, то они смеются и до сих пор.

Прав был редактор, когда говорил:

— Смех будет!

ЛЬГОТНЫЙ ТАЛОН

Мой друг Вярди обожает детей. Особенно ему нравится мой сын Атс. Каждый божий день он звонил мне и уговаривал:

— Слушай, браток, ты ведь ничего не имеешь против, если мы с Атсом немножечко погуляем?

Нет, конечно! Против я ничего не имел. Ежели у вас дома настоящий разбойник пятилетнего возраста, то вежливая просьба Вярди может вас только порадовать. И так они гуляли целыми днями — мой друг Вярди и мой сын Атс, как гуляют вообще все настоящие мужчины.

Вчера Вярди почему-то не явился, и мне самому пришлось поехать вместе с Атсом в город. Автобус был переполнен, и мы чуть живы стояли и держались за поручни. Атс настойчиво тянул меня за рукав:

— Папа, а папа, мне надоело стоять.

— Скоро приедем, сынок, — успокаивал я его.

Атс нахмурился и отвернулся. И вдруг я услышал:

— Эгей, старушка! Не видите, что ли, гражданин стоит с ребенком?

От стыда я чуть не провалился сквозь железный пол автобуса.

Это сказал мой собственный пятилетний разбойник! И сказал, боже мой, моему уважаемому шефу, приятной Нине Петровне... Она испугалась еще больше моего. Как ужаленная, она вскочила со своего места и покраснела, как ее губы. Атс занял спокойно ее место и сказал:

— Иди, папа, садись ко мне на колени.

На следующей остановке мы вышли, и я вопреки священным правилам педагогики ухватил Атса за уши.

— Ах ты, маленький наглец! — бушевал я. — Значит, вот для чего ты понадобился Вярди!

Да, представьте, это было именно так: в трамваях, в автобусах, в троллейбусах, в магазинах, в кино — всюду, где только возможно, он предъявлял моего Атса как льготный талон. И мальчик быстро вошел в свою новую хамскую роль.

Домой мы возвращались молча. У дверей нас ожидал Вярди. Один глаз у него был синий, другой красный, а вместо носа висела какая-то морковка...

— Проклятые хулиганы! — запричитал он, увидя нас. — Двое мальчишек, чуть постарше Атса, хулиганили в автобусе. Я попытался призвать их к порядку и... и видишь, что получилось? Не понимаю, откуда только такие подлецы берутся? Все-таки очень плохо воспитывают у нас молодежь!.. Слушай, браток, ты сегодня ничего не имеешь против, если мы с Атсом опять немного погуляем?

Нет, сегодня я был против. И даже очень.

Когда я еду теперь в трамвае или в автобусе и вижу, как десятилетний мальчишка небрежно развалился на сиденье, в то время как рядом стоят взрослые люди, то мне опять слышится нахальный окрик моего маленького Атса:

— Эгей, старушка!..

И мне становится стыдно за людей, не уважающих свое человеческое достоинство.

Я, конечно, не имею в виду пятилетних мадышей.

СВЕТЛО-ЖЕЛТЫЙ ПОРТФЕЛЬ

— Ах да, чуть не забыла,— сказала жена Яну Яновичу, когда они уже лежали в постели.— Тебя искал тут какой-то странный тип с желтым портфелем. Кто это?

— Гм! — промямлил Ян и повернулся на другой бок.

Спустя некоторое время он, не оборачиваясь, спросил:

— Чего он хотел?

— Я спрашивала, но он не сказал, — ответила жена. — Пустяковое, мол, дело. Только с тобой хочет поговорить. И улыбался при этом как-то странно.

— Как его звали? — В голосе Яна уже чувствовалось беспокойство.

— Не помню, Каськ или Кыйв, или...

— Как же ты не запомнила? Вспомни, это очень важно...

— Ну, Каськ, видимо, — ответила жена довольно неопределенно.

— Каськ? Каськ? — размышлял Ян. — Каськ! Где же я слышал это имя? Ага! Вспомнил!

Он с шумом поднялся с постели и подбежал к телефону, долго и нервно крутил диск.

— Алло! Это ты, Антс? Ты знаешь, кто такой Касък?

Услыхав ответ, Ян удивленно свистнул. Потом спросил:

— У него светло-желтый портфель? Благодарю.

Ян бросил трубку и обратился к жене.

— Вставай! — решительно сказал он. — Деньги, сберегательные книжки и ценности надо спрятать. Я понесу их к Антсу.

— Что случилось? — испугалась жена.

— Случилось? Этот твой Касък два месяца тому назад чуть не посадил Антса. Он контрольный ревизор. Он стоял Антсу целую тысячу.

Да, медлить было нельзя. В течение нескольких минут особняк Яна Яновича был опустошен. Хозяин стоял уже на пороге с двумя огромными чемоданами, как вдруг жена ахнула:

— погоди. Антс работает в «Заготсырье», а ты в «Утильсырье». Это ведь разные системы. И Касък тебя вовсе не касается.

— Черт побери, я и не додумался! — Ян поставил чемоданы и вытер лоб платком. Он хотел снять пальто, но передумал.

— А впрочем... Это ничего не значит. Ревизор Касък — такой пройдоха, что... моментально учует, если есть что подозрительное. Антс утверждал, что сунул ему целую тысячу. Система тут ни при чем. Пошепчет, где надо, и дело сделано. Я ведь не вчера родился. Который час? Уже половина двенадцатого! Я побежал.

У Антса он услышал страшную новость: их системы, кажется, объединили. Значит, промедление смерти подобно. Он помчался на квартиру Каська.

Прошло довольно много времени, прежде чем дверь открылась. На пороге стоял хозяин в пижаме, удивленный и заспанный.

— Товарищ Касък? Извините, ради бога, что так поздно. Моя фамилия — Янус. Я работаю в области утиля. Мой друг Антс Кярмас посоветовал еще сегодня обратиться к вам... лично.

— Прошу, — сказал хозяин и проводил гостя в гостиную.

— Я работаю в области утиля, вы, конечно, знаете, — повторил Ян Янович. — Там, на улице Кару... Кярмас, вы его, конечно, знаете... Он сказал, что вы человек понимающий... Мало ли что может случиться?.. Все мы люди. Вы, конечно, понимаете...

— Ну и что? — спросил Касък.

— Особенно ничего, — оробел Ян Янович. — Вы не сердитесь. Я даром не хочу. Ничего... Я понимаю... Рука руку моет...

Ян Янович положил незаметно на стол пачку денег и краешком глаза следил, как хозяин на это реагирует. Касък отвел глаза и внимательно рассматривал изразцы на печи...

Ян Янович встал. Хозяин молча проводил его в коридор.

— Заходите в другой раз. — Каськ подал ему руку. — Поговорим, выпьем. Понимающих людей осталось ведь так мало!

— Спасибо... я всегда... знаете... — запинаясь, ответил Ян Янович и с легким сердцем отправился домой.

Спустя полчаса Ян Янович уже спал глубоким сном невинного младенца.

Вместо него принялся нервничать Каськ.

Сначала он просто смеялся над этим чудачком Янусом.

— Дурак! Идиот! Принес мне, совсем чужому человеку, деньги! Хоть бы раз в жизни видел его раньше. Совесть, должно быть, нечиста или что-то подозревает. Подозревает? Гм. А почему именно меня? Ничего не понимаю!

Сердце у Каська стало болеть. Чутье подсказывало ему что-то нехорошее.

«Подумай, дружок, подумай! — подбадривал он себя. — Чем же это дело пахнет?..»

Думал он, думал, и вдруг в глазах его почернело.

— Все ясно! — радостно и вместе с тем испуганно воскликнул он. — Янус задумал меня испытать. Что я ему, мальчишка, что ли? Конечно, этого чудачка подослали ко мне Антс Кярнас и его шайка. И номера купюр, разумеется, переписали. Потом сообщат милиции, что Каськ, мол, принимает взятки. Ну нет, голубчики, не на такого напали!

Каськ оделся и отправился в милицию. Дежурный милиционер принял деньги на хранение, записал фамилии и обещал на следующий день сообщить.

Утром Каська вызвали в милицию. Он пошел туда, как победитель, и уже заранее наслаждался страхом и смятением противника.

Совсем другое настроение было у Яна Яновича Януса, когда его тоже пригласили в милицию.

— Настал решающий час, — сказал он жене дрожащим голосом. — Хорошо хоть, что дом и машина оформлены у нас на твоё имя.

— Это вы дали деньги гражданину Каську? — спросил у него следователь.

— В жизни никогда его не видел! — воскликнул Ян Янович.

Не помог и перекрестный допрос. Ян Янович оставался непреклонным: знать, мол, ничего не знаю и ведаю не ведаю.

— Ничего не понимаю, — сказал озадаченный следователь. И отпустил обоих домой. А деньги, естественно, пошли в пользу государства.

Когда Каськ и Янус явились на работу, первое, что они услышали, была весть о неожиданной ревизии в их учреждении.

Вечером, когда Ян Янович, шатаясь от мысли, что ему несдобровать, возвращался домой, его у калитки ожидал какой-то мужчина.

— Кажется, за мной уже пришли,— простонал Янус. Но спастись было уже поздно.

Мужчина поднял шляпу и вежливо сказал:

— Извините, товарищ Янус. Я уже несколько раз приходил к вам. Но не заставал...

— Что вам угодно?

— Видите ли, у меня к вам просьба. Огромная. Ваш тесть был филателистом. Вы не хотели бы продать мне часть его альбомов? Моя фамилия — Кыйв.

— Кыйв? — тупо повторил Ян Янович. — Кыйв? Значит, вы Кыйв, а не Каськ?!

Только сейчас он обратил внимание, что у мужчины был в руках большой светло-желтый портфель.

СЛУЧАЙ С ИНСПЕКТОРОМ СУЛЬГОМ

Инспектор Сульг сердито хлопнул дверью

— Опять! Опять пропали мои тапочки,— заворчал он.— Вот дьявол! Каждый раз надо искать их где-нибудь под шкафом. Когда же наконец прекратится это безобразие? Или я вынужден буду принять самые решительные меры...

— Не бубни, Харби,— улыбаясь, сказала жена.— Посмотри, тапочки у тебя на ногах.

Да, это было действительно так. Но Харби долго не мог успокоиться. Он раздраженно пиул ногой собаку, которая подхалимски вертелась подле него, и ворчал, что обед никуда не годится.

Потом инспектор Сульг сидел весь вечер на кухне и сопел, как простуженный медведь.

— Да что с тобой сегодня? — спросила жена, которой надоело наконец слушать сопение мужа.— На работе что-нибудь случилось?

— Это уж не твое дело,— отрезал Сульг,— что ты ко мне пристаешь? Все время только и слышишь: что? как? почему? Даже дома покоя нет.

Только на рассвете, после бессонной ночи, жена сумела наконец испытать причину бурного настроения своего мужа.

— Меня вызывают к начальнику.

— Зачем?

— Сам не знаю. Вроде ничего плохого я не сделал, дисциплину не нарушал, все поручения выполнял. Зачем я ему понадобился? Вот это меня и волнует.

— А может быть, просто так? — предложила жена. — Захотел поговорить, вот и вызвал?

— Просто так ничего не бывает. Прежний начальник как вызывал кого-нибудь, так только для того, чтобы испачкать ему трудовую книжку. Правда, я нынешнего начальника еще не видел... Но, по моему, все начальники одинаковы.

Утром инспектор Сульг пришел в контору раньше всех, часа за два до начала работы. Он тщательно взвесил все «за» и «против» и, хотя не нашел в своей работе ничего плохого, его беспокойство росло и росло.

«Нет, что-то определенно должно случиться, — думал он. — Будучи в командировке в Пайде, я выпил три бутылки пива. Но этого же никто не видел: я в номере был один и даже свет горел очень тускло. Дома несколько раз ударил ногой собаку — и с этой слабостью надо теперь покончить. Ага-а! Вполне может быть, что мне припишут моральное разложение. Поскольку в день рождения хотел с пьяных глаз поцеловать свояченицу... Вообще я порядочная сволочь, когда даю себе некоторое послабление. Сразу же начинаю грешить напропалую. Только вот что: историю с собакой и свояченицей начальник вряд ли знает. Это же было дома. Очевидно, все-таки выпивка в Пайде! Какой-то мерзавец, должно быть, следил за мной и донес. Расплачивайся теперь, Харби! Не пьянствуй, как сволочь какая-нибудь, я уже несколько раз тебя предупреждал, Харби! Получай теперь на орехи! Попачкают нынче твою трудовую книжку!»

Начальник явился точно в девять.

— Здравствуйте, товарищ Сульг, — подал он дружески инспектору руку. — Заходите. Я как раз хотел с вами поговорить.

Дружеский тон начальства выбил Сульга совсем из равновесия. Значит, начальник, кроме того, еще и лицемер! Его сердце тревожно забилося: вот они начинаются, неприятности! Однако делать было нечего. Он уже стоял в кабинете начальника. Начальник попросил его сесть, закурил папироску, потом спросил:

— Как у вас теперь с работой, товарищ Сульг? Отчет по командировке в Пайде уже готов?

«Все ясно, все-таки выпивка в Пайде, — внутренне ужаснулся инспектор. — Может, лучше самому признаться?»

— Это... ээ... пиво... Я, видите ли... — начал было он, но начальник даже не дал ему говорить.

— Вы, видимо, устали? На вас просто лица нет. Или заболели? Ну да, конечно, и устали и неважно себя чувствуете. Мы здесь посоветовались с профкомом и решили предоставить вам отпуск. Согласны?

«Увольняют!» — похолодел инспектор. Руки у него затряслись, и лоб покрылся испариной.

— Я очень прошу... — произнес он. — Я прошу вас... У меня здоровье очень крепкое. За что же меня? Я буду стараться лучше работать. Вот увидите! Это очень строго — за такую чепуху, как три бутылки, да еще в нерабочее время...

— Товарищ Сульг, — сказал начальник, — пожалуйста, не скромничайте: Мы лучше вас знаем, как вы работаете. Уверю вас, вы вполне заслужили свой отдых. А чтобы вы имели возможность хорошо поправиться, мы посылаем вас... в санаторий. Даем вам бесплатную путевку на юг. Вообще надо было бы вас давно отправить, но в нашем учреждении, видимо, не очень-то привыкли заботиться о людях. Ну, договорились?!

— Нет! Помилуйте! — пробормотал Сульг. — Я все-таки прошу... Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент начальника вывели к телефону. Инспектор отправился к себе.

«Значит, отдых! — подумал Сульг, усаживаясь за свой рабочий стол. — Сколько лет я сидел здесь, за этим столом, и все было прекрасно! А теперь вон! Из-за каких-нибудь проклятых трех бутылок... И еще говорят: путевку в санаторий. Знаем мы эти путевки!»

В этот день Сульг работать уже не смог. После долгих невеселых раздумий он решил снова просить начальника, чтобы тот простил его проступок. Но начальник не появлялся. Выяснилось, что он выехал на неделю в командировку.

Стоит ли распространяться, какими страшными были эти дни для Сульга! Он окончательно утвердился в мысли, что его непременно уволят. Он уже начал подыскивать себе новое место. Жена всячески успокаивала его, говоря, что, собственно, ничего еще не случилось. Ведь ему пока что предложили бесплатную путевку на юг. А это ведь не каждому дают. Но Сульг упрямо стоял на своем и даже поссорился из-за этого с женой.

— Не понимаю, что ты за человек! — сердито кричал он. — Ты как будто вчера родилась. Никогда не верь тому, чего не увидишь собственными глазами. Вот увидишь — они отправят меня на юг, а сами за это время наймут на мое место другого человека.

Через неделю начальник вернулся. Он снова пригласил инспектора Сульга к себе и снова поинтересовался состоянием его здоровья.

— Завтра получим путевку — и поезжайте, — в заключение ска-

зал он. Потом, не дав Сульгу сказать ни слова, взял его под руку и проводил до двери.

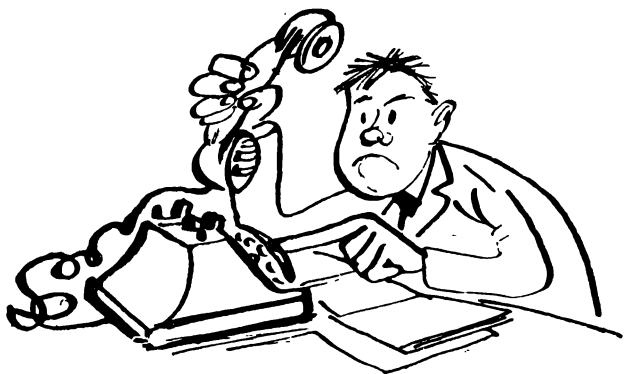
Теперь-то Сульг уж нисколько не сомневался, что погиб. Ладно! Если погибать, так уж с музыкой! Инспектор сел за стол и исписал пять листов бумаги. Он подробно изложил все: и как начальник без всякого на то основания желает его уволить, и как он еще полон сил и жаждет работать... Словом, описал все: и насчет пива, и насчет собаки, и поцелуя... Потом запер все написанное в стол, и пошел домой, и впервые за последние две недели всю ночь спал как убитый.

А утром председатель профкома торжественно вручил ему бесплатную путевку в Сочи. Конечно, инспектор сначала не поверил, однако профсоюзная общественность все же сумела ему разъяснить, что разговор идет не об увольнении, а о премировании его за долголетнюю безупречную работу.

Два дня спустя инспектор Сульг сидел в вагоне прямого сообщения Таллин — Сочи и удивленно спрашивал самого себя:

«Вот дьявол! И кто бы мог подумать? Просто чудеса!»

ИНИЦИАТИВА

Товарищ Тохлак вернулся с заседания угрюмый, как полярное небо. Такой бани, как на этот раз, он еще никогда не получал в своей жизни. Каждый выступающий считал своим долгом указать ему на промахи и ошибки, совершенные им за последние годы. А кое-кто не постеснялся даже сказать прямо в лицо, что он, Тохлак, вообще негодный работник, неспособный к самостоятельному мышлению. Он словно припаян к телефонной трубке! Телефонная станция только и делает, что соединяет его с директивными органами и разъединяет по минованию надобности. Говорили, что он даже спрашивал у начальства, с какого конца начать ему точить карандаш. Здорово, очень здорово попало на заседании Тохлаку!

Вернувшись в свой кабинет, Тохлак решил сразу же начать действовать. «С сегодняшнего дня уже ни одна душа не посмеет сказать, что у меня нет инициативы и способности к самостоятельному мышлению!» — решил он. Затем он энергично нажал на кнопку электрического звонка и вызвал к себе всех своих подчиненных. Те уже знали, о чем говорилось сегодня на заседании, и ехидно улыбались. Их шеф казался им сейчас особенно милым.

— Я не понимаю, товарищ Саар, чему вы улыбаетесь? — набросился Тохлак на инженера по строительству. — Плакать надо, а не скалить зубы!.. У вас совершенно отсутствует способность к самостоятельному мышлению!

Подчиненные повесили носы. Стало тихо, как на похоронах. Но Тохлак это не удовлетворило. Он безжалостно продолжал:

— И вы, товарищ Пыдер, будто припаяны к телефонной трубке. Телефонная станция только и делает, что соединяет и разъединяет вас... гм... гм...

Тохлак несколько замылся, ибо вспомнил, что в комнате, где работает Пыдер, совсем нет телефона... Кроме того, он не знал, с кем именно телефонная станция должна была соединять товарища Пыдер. Однако он тут же овладел положением:

— Во всяком случае, без инициативы ко мне не приходите! Поняли? Вы спрашиваете у начальства даже то, с какого конца начать точить карандаш. Безобразие! Шагом марш на работу и причайтесь к самостоятельному мышлению!

В последующие дни подчиненные усиленно развивали инициативу. Инженер по строительству пришел к Тохлаку с самостоятельным предложением — построить на берегу речки новую купальню.

— Какую купальню? — удивился Тохлак.

— Вместо старой, а то она уже совсем развалилась, — разъяснил инженер. — Помните, на заседании нас за нее здорово критиковали?

— Гм! И где же вы хотите ее строить?

— Конечно, на берегу реки, на месте старой.

Тохлак несколько минут усиленно думал, потом сказал:

— Хорошо, оставьте проект, я еще посмотрю.

Тохлак смотрел на проект ровно четыре дня, а на пятый день позвонил председателю райисполкома.

— Извините, — сказал он, — у меня тут одно важное дельце. Требуется уточнить.

— Хорошо, хорошо! Скажите же, в чем дело? Меня в колхозе ждут. Ну, что у вас?

— Скажите, где бы нам... гм... построить эту купальню? Может быть, на берегу реки, на месте старой?.. — начал Тохлак.

— Какая купальня? Я ничего не знаю, — прервал его председатель.

— Ну, для этих... для купающихся!

— Для каких купающихся?

— Наших, конечно, купающихся. Которые летом ходят купаться. Старая купальня-то уже развалилась.

— Эх, шут тебя побери! — выругался председатель. — Ты просто мне душу выматываешь. У тебя ведь есть голова на плечах?! Вот и решай сам!

— Нет, лучше все-таки уточнить, — упрашивал Тохлак, — где нам ее лучше построить. На берегу реки или где?..

— О, господи! Вот бестолковый человек! Да строй свою купальню, где пожелаешь, хоть посреди рыночной площади! — Рассерженный председатель с шумом повесил трубку.

— Вот тебе раз! — недоумевал Тохлак. — Советует посреди рыночной площади строить! А там ведь прилавки. Куда их девать?.. Кроме того, от рынка до реки целый километр. Это же безумие! Нет, надо все-таки уточнить!

Тохлак набрал новый номер.

— Извините, — сказал он. — Как же нам все-таки поступить с нашей купальней?

— С какой купальней? — удивился секретарь райкома.

— С этой, которая на реке. Старая-то развалилась. Как вы думаете, можно построить ее на берегу реки, на старом месте, или подыскать новое место?

— Слушай, дорогой, позвони завтра. У меня сейчас как раз идет заседание. Решай сам!

И секретарь повесил трубку.

«Ого! — подумал Тохлак. — Предыдущие руководители района были сняты за то, что допускали ошибки. Поэтому эти просто не желают рисковать».

Он долго и мучительно размышлял несколько часов и в конце концов решил построить купальню там, где советовал председатель. Иначе могут его опять обвинить, что вот, мол, дали человеку конкретные указания, а товарищ Тохлак их не выполняет. Но какая же это глупость — построить гардероб посреди рынка! Что же, купающиеся голыми через весь город, что ли, на реку будут бегать? Видимо, надо проложить до реки от рынка закрытый ход. Это тоже показалось ему странным. Однако обратиться еще раз за консультацией он уже не решился. Опять выругают!

Он вызвал инженера по строительству и приказал составить проект закрытого хода. Инженер Саар подумал сначала, что Тохлак решил над ним подшутить, но вскоре убедился, что начальник говорит с ним всерьез. Тогда инженер попытался переубедить его. Но Тохлак рассердился и выгнал его из кабинета.

— Что же, приказ есть приказ, — развел руками инженер и начал прокладывать ход.

Вскоре он вынужден был доложить Тохлаку:

— Люди не дают работать. Показывают на нас пальцами и называют дураками, бараньими головами, а то и еще хуже.

— А вы куда смотрите? — спросил Тохлак ледяным голосом. — Вызывайте милиционера. Выполнению рабочего задания никто не должен мешать. Удивительно низкая сознательность! Мы строим для

населения купальню, улучшаем, так сказать, его быт, а оно еще смеется. А вы тоже! Отпор крикунам не можете дать? А на что у вас голова на плечах?

— Милиция тоже... смеется.— оправдывался Саар.— И вообще, вот вам мое заявление об уходе. Я все-таки инженер, а не твердолобый баран.

Сказал и ушел.

— Можешь идти! — закричал ему вслед Тохлак.— Найдем нового инженера, у кого больше инициативы и самостоятельного мышления!

Тохлак тут же позвонил председателю исполкома, чтобы тот призвал начальника милиции к порядку.

— Простите, что вам помешал,— сказал Тохлак.— Мы теперь строим эту купальню, а милиция ведет себя как-то странно... Я бы сказал, даже преступно и антинародно...

— Человек! — послышался в трубке отчаянный крик председателя.— Что вы делаете?! Ну кто же строит купальню на рыночной площади?! У вас в голове мозги или солома?

Тохлак тихо повесил трубку и задумался:

«Что-то я опять не то сделал... Но ведь он сам приказал! Все было согласовано, учтено! Что он, идиот, что ли?»

ПЛИИЗ!

Лилли увидела его первой. Они сидели в этом ресторане уже четыре вечера подряд, но все впустую. А теперь он пришел, и Лилли увидела его первой. Он стоял на пороге и искал свободного стола.

— Эрих! — прошептала Лилли. — Он пришел!

Они следили, как официант подошел к нему, спросил что-то и с улыбками и поклонами проводил его к столу. И — спасибо небесам! — это был их стол.

— Тенкью, — сказал он официанту и сел.

— Плииз, — ответил официант и бросил многозначительный взгляд на Лилли и Эриха.

Какое счастье, какое небывалое счастье! Теперь не было никакого сомнения: они сидели за одним столом с иностранцем!

Лилли стукнула Эриха под столом ногой и прошептала взволнованно:

— Эрих, мы должны с ним познакомиться во что бы то ни стало! О боже, я умираю, настоящий иностранец!

— Одну минуту, — ответил Эрих самоуверенным тоном бывшего человека, хотя его колени слегка дрожали. — Теперь это сущие пустяки. Сама ведь убедилась. Я дал официанту три рубля — и вот мы уже сидим с иностранцем за одним столом.

Эрих вынул из кармана коробку американских сигарет, купленную втридорога у спекулянта, в которой теперь лежали таллинские сигареты «Прима», и протянул через стол:

— Плиз!

— Тенкью,— ответил иностранец небрежно и взял сигарету.

Теперь Эрих встал и представился:

— Лилли Санд энд Эрих Санд.

Их фамилия была проста, как прибрежный песок. Разве можно с такой банальной фамилией разговаривать с иностранцем? Конечно, нет. Но, однако, ничего поделать было нельзя. Надо только показать себя с лучшей стороны!

— Джон Вайт,— ответил иностранец, продолжая сидеть. Он даже не подал руки.

— Ю есть Америка? — догадалась Лилли.

Иностранец сказал несколько непонятных слов, на что Лилли и Эрих понимающе кивали головами. Иностранец повторил еще раз, а когда Эрих и теперь только кивал, он не выдержал и заорал:

— Коньяк!

Теперь Эрих понял.

— Сейчас, уан минит! — Он вскочил радостно и побежал искать официанта.

Не прошло и минуты, как на столе появились самые дорогие напитки. Налили бокалы и выпили за знакомство. Оказалось, что после несколько рюмок коньяку они понимали иностранца уже гораздо лучше. Английский язык совсем не был такой трудный, как они думали. Почти как их родной язык, только в некоторых местах надо сделать маленькие поправки. Большинство слов из их лексики полностью совпадало, например, «коньяк», «просит», «мерси», «прима», «давай еще» и т. д.

Этот иностранец был прямо-таки удалец. Дьявольски много вливал он в себя коньяка.

«Сразу видно, что культура,— с уважением подумал Эрих.— А я что, хуже? Нет! Все сделаю, как он. Когда же еще учиться хорошим иностранным манерам, как не сейчас!»

После третьей бутылки Эрих уже начал доказывать свое иностранное происхождение. Он говорил, что его дед был чистокровный прибалтийский немец и даже фон. Хорошо, что этого разговора не слышала его бабушка, жена бывшего батрака Аду Линива, которая не раз говорила: «Лучше я буду гадюкой, чем женой какого-нибудь фона!»

Однако внук уже успел начисто забыть бабушкины слова. К концу выпивки он даже поднял свою Лилли в дворянское сословие.

Поднявшись на такую светскую высоту, молодые люди взяли такси и поехали к Эриху на дом. Иностранец чувствовал себя превосходно. Как дома! Он страстно обнимал и целовал Лилли на кухне. Эрих чуть было не дал ему по морде, но Лилли сказала:

— Как ты смеешь! Ведь он иностранец!

Этот аргумент обезоружил Эриха. Он обеими руками схватился за дверь и забормотал:

— Извините, что помешал... Извините...

А потом, когда иностранцу стало плохо и он беспомощно сидел в ванной прямо на полу, Эрих сказал Лилли:

— Вот ведь какая свинья! Это его счастье, что он иностранец. Иначе я бы его моментально вышвырнул вон.

Не стоит говорить, что хозяин квартиры явно переоценил свои силы, потому что он вскоре тоже сидел в углу коридора и сладко храпел. Лилли смотрела на своего мужа и глубоко вздыхала:

— Эх, Эри, Эри, почему ты не иностранец?..

В окнах сиял утренний свет, когда Эрих проснулся. Из ванной доносился страшный шум и ругань на чистейшем эстонском языке:

— Эге! Черт вас поberi, куда вы меня забросили? Эге! Голова разламывается. Пива!

ТУГОУХИЙ

Чулочный магазин, если выразаться образно, был полон народа, как банка с таллинскими кильками. Все хотели что-нибудь купить или хотя бы что-то посмотреть. Продавщицы, в свою очередь, хотели поболтать о прошедшем выходном дне. И, конечно, никто не заметил, как в магазин вошел старик с зонтиком в руках. Сначала он стоял на улице. Держась за ручку открытой двери, он вежливо пропускал вперед себя женщин, а также мужчин помоложе и познергичнее его. Наконец-то и он попал к прилавку.

— Простите...— начал было он, но как раз в этот момент продавщица обратилась к подруге, чтобы продолжить разговор о выходном дне.

— Извиняюсь...— сделал старик через некоторое время новую попытку. Однако по-прежнему безрезультатно.

— Скажите, пожалуйста...— попробовал он еще раз.

— Дайте мне эти красные носки, что лежат сверху! — закричал юноша за спиной старика.

Продавщица подала юноше красные носки и вернулась опять к подруге.

Так прошло четверть часа. Старик продолжал умолять:

— Простите! Извините! Будьте добры!

Но никакого внимания.

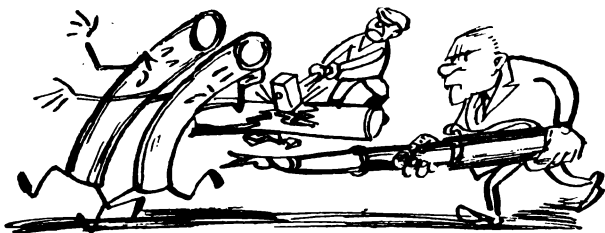
Потом он покраснел, глубоко вздохнул и заорал:

— Черт побери, сколько стоят эти коричневые носки, там, в углу?

Продавщица испуганно подлетела к нему, но сразу же пришла в себя.

— Рубль двадцать пять,— завопила она изо всех сил.

— Бедный,— сочувствовали люди старику.— Сам еще такой крепкий, а слух уже такой слабый. Да, старость не радость.

ТРУБЫ

Вчера у нас состоялся митинг.

На митинге мы выбрали делегацию, которая должна была отправиться к начальнику строительства. Все из-за этих труб. Построили дом, люди переехали в новые квартиры. А бетонные трубы по-прежнему валялись перед домом. И не только валялись — разрушались.

— Это, — строго сказал бывший боцман из соседнего зеленого дома, — народное имущество. Мы должны что-то предпринять!

— Очень правильно. Вопрос надо решить немедленно, его слишком долго тянули, — поддержал член профкома из соседнего розового дома — он любил выражаться культурно.

Тогда мы и выбрали делегацию, которая торжественно отправилась к начальнику строительства.

Начальник, конечно, не пожелал нас принимать. Ему, видите ли, надо работать, а не выслушивать разные делегации. Однако в результате наших непрерывных атак позиции противника в его приемной были прорваны, и мы ворвались в кабинет.

— Слушайте, дорогие люди, разве это вас касается? — раздраженно спросил начальник строительства, выслушав нас. — Вы кто вообще?

Члены делегации удивленно переглянулись. Действительно, доверительных грамот и мандатов ни у кого из нас не было. Мы даже не догадались запротоколировать постановление митинга.

— Мы представители широких масс общественности, — нашелся все-таки член профкома. — И эти трубы — общественное достояние.

Начальнику строительства не оставалось ничего другого, как согласиться. И уже после обеда приехали машины и увезли трубы. Все мы торжествовали победу, особенно член профкома. Народное имущество было спасено.

А сегодня утром я случайно увидел, как рабочие на другом участке разбивали эти же самые трубы. Кувалдами! Рраз — и труба, рраз — и труба. И так далее.

Оказалось, что трубы эти были давным-давно списаны, поэтому девать их было совершенно некуда. Так, образно говоря, эти народные трубы вылетели в трубу.

Я теперь боюсь говорить об этом нашим людям.

Боцман и член профкома сказали уже тогда, что такого начальника... мало посадить. Но теперь ему угрожает еще более суровая расправа — они просто убьют его. Из-за такого пустяка, как трубы, лишиться двух хороших, честных людей жалко... Нет, уж лучше я помолчу!

АННЕ

Я сидел и смотрел телевизионную передачу, когда Анне пришла. Она повозилась в прихожей. Потом зашла в комнату. Я ожидал, что она начнет меня ругать, потому что я еще не принес воды и дров, но сегодня Анне была очень мила.

— Добрый вечер, Андре́с,— сказала она, смиренно опустив глаза.

— Добрый вечер, Анне! — вежливо ответил я и продолжал смотреть передачу.

— Я телевизор больше не смотрю,— сказала Анне.

— Да? Ну не смотри, если не хочешь. Бережешь глаза, что ли?

Она что-то пробормотала в ответ и ушла в другую комнату. Оттуда послышался непонятный шум. Я пошел посмотреть, что она там делает.

— Ого, черт побери! Ты что, переезжать собираешься? Зачем книги в ящик укладываешь?

— Никуда я не собираюсь переезжать. А книги пойдут в подвал. Я, конечно, хотел возразить, но, зная характер Анне, предпочел промолчать.

Вечером она никак не могла уснуть. Беспокойно вертелась с боку на бок. И наконец заговорила:

— Дорогой мой, как только я подумаю, какой страшной жизнью ты живешь, прямо слезы навертываются на глаза.

Я притворился спящим и не ответил, боясь, что она начнет теперь выкладывать мои грехи. Ведь за тридцать пять лет совместной жизни их накопилось немало.

В последующие дни в нашей семье произошли еще более странные вещи. Мою Анне начали навещать какие-то старушки. Они подолгу сидели на кухне, перешептываясь между собой. Иногда Анне затягивала песню, которую я никогда раньше от нее не слышал. В кино и в театр она со мною больше не ходила, перестала читать газеты и целыми днями где-то пропадала. Хорошо, что я был уже на пенсии и мог сам себе готовить.

Я никак не мог понять, в чем дело, откуда Анне сама не заговорила.

— Знаешь, Андреас, я такая счастливая! Такая счастливая! Меня принимают в члены прихода.

После такого известия я чуть не захворал. В конце жизненного пути еще такое несчастье — это не шутка! Сначала попробовал поговорить с Анне по-хорошему, подшучивал над нею и даже однажды выругал. Но она оставалась при своем. Тогда я решил посещать атеистические лекции, но Анне со мною не пошла, и других верующих я там тоже не видел. Там сидели одни неверующие. Ничто не могло подействовать на мою подругу. На все мои разговоры она смиренно говорила о другом мире, где меня, как грешника, якобы ожидают страшные мучения.

В тот день, когда Анне унесла телевизор в подвал, мне было уже нечем заниматься в свободное время. И я первый раз в жизни взялся за библию. Каждый божий день с утра до вечера я сидел теперь над этой священной книгой. На улице стояла жаркая погода. Огурцы и помидоры в огороде сохли. Но мне было на них наплевать. Я читал библию. Земная жизнь меня уже не интересовала: все равно она пошла кувырком. Ну и пусть идет, зато в другом мире будет блаженство!

Когда Анне увидела, что я сижу над библией, она радовалась до слез. И все старушки, посещавшие наш дом, смотрели на меня, как на новоявленного апостола.

— Господь бог его помиловал, — сказала Анне.

— Он еще будет у нас святым, — подпевали старушки.

В ушах у меня звенело от этих похвал, и я ушел из дому. А когда я поздно вечером вернулся, Анне встретила меня руганью:

— Где ты, сатана, был? В огороде все высохло. Нет чтобы полить грядки! Труба разваливается... Видишь, комната полна дыма, а ты...

— Я был на богослужении, — смиренно ответил я, выбив сразу все карты из рук Анне, и опять взялся за библию.

Отныне я стал пропадать каждый день. Положу утром бутерброды в свой старый чемодан, с которым я когда-то ходил на работу, и айда! В день, когда принесли пенсию, я попросил у Анне десять рублей для

приношений. Если она жертвует, почему же я не могу? Одному и тому же богу ведь служим! И что же? Она дала мне нужную сумму.

Конечно, все это довольно-таки губительно подействовало на наше хозяйство. В огороде у нас все по-прежнему сохло, труба опрокинулась, так что даже и готовить ничего нельзя было. Всю свою пенсию я приносил на божий алтарь.

— На том свете бог нам все вернет,— сказал я Анне, которая начинала проявлять явные признаки недовольства.— Наш приход служит господу богу каждый день, наша вера запрещает нам что-нибудь делать. На небе троекратно будут оплачены все земные страдания.

Анне промолчала и привела печника. Затем взялась за огород. Сама колола дрова, готовила завтрак, обед, ужин. И денег больше не давала для приношений. Словом, жизнь пошла по старой колее. Я заметил, что Анне перестала петь церковные песни. Зато я еще больше углубился в веру. Уже рано утром я ушел из дому с библией и церковным песенником в руках и вернулся только к обеду. А после обеда опять...

Однажды утром Анне следила из-за занавески, куда я иду. Она даже попыталась незаметно идти вслед за мною. Но я сделал такие злые петли, что она меня сразу же потеряла. Я, конечно, пошел не на какое-нибудь богослужение, а к своему другу Тоомасу. У него в садике такой скромный сарайчик — там мы и сидим каждый день, пьем пиво и играем в карты.

Продолжалось это так до сегодняшнего полудня. Сидели мы, как прежде, с Тоомасом в сарайчике. У меня в руках были как раз хорошие карты.

— Бубны козыри!

И в этот момент я услышал грозный женский голос:

— Андрес! Вот где ты, сатана, пропадаешь? А ну, мигом домой!

Да, это была Анне, злая и разгневанная, как богиня мести.

Что было дальше, уже не представляет интереса для читателей. Телевизор и книги у нас опять в комнате, и на богослужение никто из нас больше не ходит. Анне приобрела опять свой прежний характер, и мне это очень нравится.

ДУХОВНЫЕ БРАТЯ

Участковый уполномоченный товарищ Ялакас видел сон, будто он находится в осажденной крепости. Враг ожесточенно таранил ворота, все вокруг сотрясалося.

— Прорвутся, — испугался он и проснулся.

— Помогите! Бога ради, помогите! — услышал он за дверью приглушенные вопли.

Удары в дверь продолжались.

Мгновенно Ялакас оделся и открыл дверь. На пороге стояла высокая, широкая фигура в черном. Привидение?

— Бога ради, не испугайтесь! — сказал гость приглушенным, простуженным голосом. — Я ваш пастух... и прошу помощи.

Уполномоченный вытаращил глаза:

— Какой пастух?

— Пастух божьего стада, — ответил гость. — Ваш пастор, Иосеп Акман. Извините, что в столь ранний час...

— Что случилось? Опять кого-нибудь убивают? — спросил уполномоченный. (На подобное опасение у него было полное основание, потому что еще в прошлую неделю он усмирил одну религиозную вечеринку, где участники в упоении разбивали бутылками друг другу черепа...).

— Нет, сын мой, меня нагло и безбожно обманули...

Теперь уполномоченный милиции действительно растерялся. В его практике все было: и убийства, и грабежи, и воровство, и драки. Но чтобы человек, который живет за счет обмана, сам пришел и пожаловался на обман! Нет, такого еще не было!

— Где это случилось? Когда? Кто вас обманул? Неверующие?

— Нет, как раз верующий, мой духовный брат.

Уполномоченный проводил пастора в свой служебный кабинет и пригласил сесть. Постепенно вырисовывалась картина преступления. Неделю тому назад к пастору пришел его старый знакомый Даниел Сакс. Пришел искать духовного успокоения, как всякая блудная овца. Они вспоминали былые времена, когда еще вместе штудировали теологию. Он рассказывал о себе и расспрашивал о жизни своего друга. Пастор, конечно, радовался приходу друга и предложил ему разделить свой дом, свой хлеб, свое вино... И Даниел Сакс остался, даже обещал помогать пастору в его трудной миссии.

— Даниел спросил, не хочу ли я купить себе «Волгу», — сказал пастор грустно и опустил глаза. — Я, конечно, хотел. Когда стадо разбегается, на велосипеде за ним не успеешь, пастуху все труднее становится...

Даниел попросил за «Волгу» восемь тысяч. Ведь без очереди! И машина новая! И пастор согласился.

— Откуда вы столько денег взяли? — спросил уполномоченный. Он мысленно подсчитал, сколько десятилетий ему, уполномоченному, пришлось бы поработать, чтобы собрать такую сумму.

— Все за счет желудка, — ответил священник и смущенно поправил свою черную рясу, которая, хотя и была широкая, все-таки бесстыдно выдавала упитанность своего хозяина.

— Я очень мало ем. Каждый день на копейку. Так и набрал. А у кого уже есть, тому и дается, как говорит священное писание. Слуга божий ведь не бабочка, которая только и делает, что трепещет крылышками. Ему надо думать и о завтрашнем дне.

— Где теперь Даниел?

— В городе, пропивает мои трудовые сбережения... Боже, будь к нему милостив! Его надо обязательно поймать. Я не останусь в долгу перед вами. Если хотите, я похороню вас бесплатно. Только задержите этого жулика! Негодяя! Мерзавца!

Уполномоченному с трудом удалось успокоить слугу божьего. Он выпроводил его, посадил на велосипед и пожелал доброго пути.

Через час духовный брат пастора Даниел уже сидел в милиции. Он протестовал с искренностью пьяного человека:

— Разве я хуже, чем он? Ну, скажи, товарищ милиционер? Акман в жизни не работал, палец о палец не ударил. Я же знаю. Сам был когда-то священником. Откуда у него эти деньги? Совести у него нет! Я спекулировал машиной, которой нет и не было. Хорошо. Я признаю свою вину, потому что у меня еще есть совесть. Есть! А он спекулирует богом, которого нет и не было. Он сдирает со своих овец по три шкуры. Почему же его не задерживают? Я спрашиваю вас, товарищ милиционер! Его тоже следовало бы, поскольку у него нет совести.. А еще называется духовный брат!..

Даниел заплакал.

— Духовный брат? — спросил уполномоченный с презрением.— Ну, ладно, братец, собирайся в дорогу.

И отправил Даниела в камеру.

СЕКРЕТ СМЕХА

Вчера вдруг позвонили мне из киностудии:

— Товарищ Лаас? Здравствуйте. Говорит режиссер Ранд. Очень рад познакомиться. Вы очень заняты? Не могли бы вы заглянуть сегодня к нам, этак около четырех? Поговорим о вашей повести. Заранее скажу: она превосходна. Именно так и надо писать! Режиссер Пину того же мнения. Мы оба беремся за ее экранизацию. Согласны?

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

Ровно в четыре я постучал в дверь режиссерского кабинета. Товарищи Ранд и Пину приняли меня как старого и равноправного члена их творческого коллектива.

«Умные люди,— подумал я с уважением.— Понимают, что к чему».

Меня провели в небольшой зал, где заседала какая-то комиссия. Разговор шел о сценарии, сюжет которого был мне очень близко знаком, только я никак не мог вспомнить фамилию его автора.

— Мне кажется,— сказал режиссер Ранд,— автор удачно наметил пути для широкого применения юмора. Возьмем хотя бы такой пример. В своем последнем фильме мы использовали двух пьяниц для достижения комического эффекта. Автор нового сценария рекомендует нам использовать минимум две дюжины пьяниц. Это умно! Один пья-

ный — уже смешно. Ну, а две дюжины пьяных, товарищи, естественно, в двадцать четыре раза смешнее. Правильно, товарищ Лаас?

Режиссер Ранд слегка поклонился мне.

«А этот парень, кажется, обладает довольно тонким чувством иронии», — подумал я и кивнул ему в знак согласия.

— Дальше, — продолжал режиссер. — В нашей предыдущей комедии мы добились комического эффекта тем, что пьяный чуть-чуть не вывалился из лодки. А автор нового сценария заставляет многих пьяниц окунуться в воду. Лодки переворачиваются, пьяницы барахтаются в воде и потом вылезают на берег, как мокрые щенки. Мне кажется, товарищи, это замечательно! Это смешно!

Затем автор рекомендует проделать ту же процедуру с животными. На острове посредине реки строят стадион. Это, конечно, не смешно. Но смех начинается тогда, когда коровы, свиньи, козы, овцы и куры должны переплыть реку, чтобы попасть на стадион. Вы только представьте себе, как это смешно, когда куры плавают! Затем стадо разгуливает по стадиону. Среди животных разгуливает и дочь председателя колхоза, которая преследует молодого агронома-практиканта, чтобы признаться ему в любви. Несчастный агроном-практикант спасается от дочери председателя бегством, перепрыгивает через свиней, коз и коров. Куры сердито кудахчут, а перепуганные овцы бросаются в реку. Феноменально! А что было в нашей комедии? Из-за несчастной любви дочки председателя ни одно животное не бросилось в речку. И куры относились совершенно равнодушно к этой несправедливости. Просто нам не хватило жизненных наблюдений.

Наконец дочь председателя все-таки добивается взаимности, и молодые влюбленные катаются на лодке. Это опять оригинально и очень смешно. Для усиления комического элемента автор сценария рекомендует одеть агронома-практиканта во фрак с орхидеей в петлице. Когда дочь председателя, сидя на веслах, поет лирическую арию, ее возлюбленный во фраке стоит перед ней и дирижирует зонтиком. Этим мы добьемся слияния комизма с лирикой. Верно я говорю?

— Правильно, — дружно подтвердили другие.

«Как, однако, больно бьет подлинная ирония!» — восхищенно подумал я. А режиссер продолжал:

— Обычно мы добиваемся комического эффекта тем, что герои спотыкаются, падают или наступают на грабли, вилы, гвозди и т. д. Но автор нашего нового сценария не остановился на достигнутом. Его председатель колхоза не просто падает, он и рвет свои штаны, а грабли, на которые он наступает, ударяют его как раз по голому месту. Таким образом, отрицательный герой становится жертвой собственного верхоглядства. Это очень благородно и смешно.

Пойдем дальше. Смешно, когда мужчина надевает женское платье? Безусловно. В нашей предыдущей комедии передовой тракторист пошел работать в свинарник и надел на себя девичий платок. В новом же сценарии предлагается одеть свинаря в шелковое платье и лакированные туфли на высоких каблуках. Зритель животика надорвет, когда увидит на экране передового свинаря. А еще лучше, если свинарь в таком наряде станцует со свинаркой модный танец чарльстон. В промежутках между танцами, взяв на руки поросенка, свинарь споет свинарке любовную арию. Свинарка ответит ему тоже арией. Однако, поскольку ее любовь сильнее, она берет в руки старую свиноматку весом пудов этак на десять — двенадцать. Это очень подчеркнет лирический оттенок упомянутой арии и выразит полноту чувств героини. Потом молодая любящая пара будет играть со шлангом, благодаря чему оба они превратятся в мокрых щенят, подобных тем пьяницам, коих мы видели в начале фильма. Следовательно, сюжет закругился. И зритель, выходя из кино, еще раз мысленно припоминает все комические перипетии нашего фильма...

— Браво! Прелестно! — восторгались все.

Но режиссер Пину счел нужным добавить:

— У автора сценария есть несколько, на мой взгляд, неплохих предложений, как усилить лирический фон комедии. В своем последнем фильме мы перекрасили свинарник изнутри белой масляной краской. Масляная краска теперь не в моде. Поэтому автор предлагает сохранить естественный вид древесины, но отлакировав и отполировав ее. Потолки могут быть лиловыми или оранжевыми. Дома колхозников предлагается сделать с раздвижными пластмассовыми стенами, а председателю дать очень хрупкий стол, который рассыпается от первого же удара председательского кулака. Эта художественная деталь очень ярко охарактеризует отрицательного героя. Кроме того, автор предлагает смелее заимствовать комические элементы из комедий «Волга-Волга» и «Проход Семнадцатый», а также из других признанных кинокомедий.

На протяжении всего этого разбора меня одолевал судорожный смех. А между тем, когда комиссия единогласно одобрила этот архигениальный сценарий, мне торжественно преподнесли договор и сказали:

— Подпишите!

Убедившись, что автором сего «труда» являюсь я собственной персоной, я не выдержал:

— Послушайте, товарищи, во что вы превратили мою повесть? Это пародия какая-то на глупейшую кинокомедию вроде, например, комедии «Полет песни», которую я на днях видел.

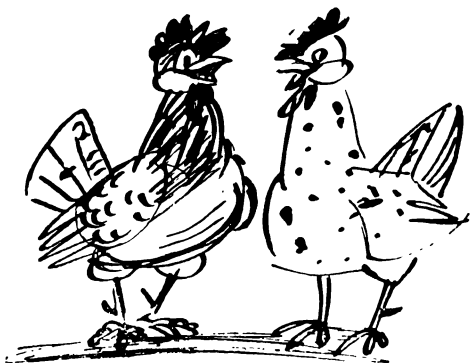
— Что вы, что вы! — сказали мне в ответ.-- К чему такая скромность? Это замечательный сценарий для новой кинокомедии. Подпишите договор.

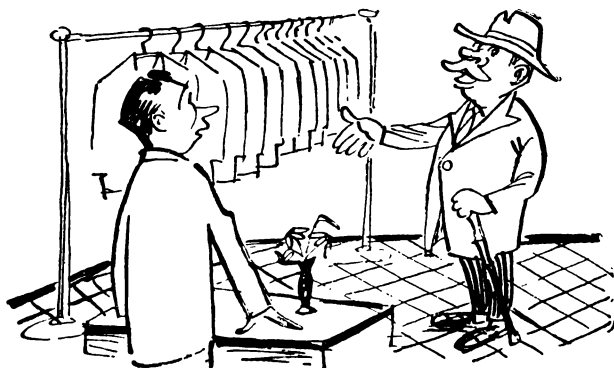
И мне ничего не оставалось, как повиноваться. Режиссеры подхватили меня под руки и повели в ресторан.

— Будь это хоть кинофельетон,— говорили они,— хорошая вещь будет! Возможности кино неисчерпаемы, это ведь его специфика. Понимаете? Кроме того, мы же ваши соавторы, и нам не останется никаких других забот, кроме как получить гонорар.

Так, вопреки своему желанию, я стал сценаристом.

Когда я рассказываю кому-нибудь эту историю, мне никто не верит. Но стоит скептикам посмотреть некоторые наши кинокомедии, как они сразу со мной соглашаются.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО

Новогоднее утро. Город только что проснулся и протирает свои еще сонные глаза. На остановке у Центральной площади в автобус вошел мужчина средних лет. Он неуклюже остановился у двери, пошарил в карманах, ища монету. Затем оглянулся. Он, видимо, искал кондуктора, но, не заметив его, спросил:

— Извините, этот автобус тоже без кондуктора?

Пассажиры понимающе улыбнулись. На мужчине был синий костюм и коричневое пальто, какие носили лет восемьдесят — сто назад. Люди с улыбкой наблюдали за веселым участником новогоднего карнавала и дружелюбно посмеивались.

Когда он вышел из автобуса, на сиденье осталась старинная монета. Пассажиры в недоумении разглядывали ее. Потом один из людей сказал, что передаст ее в городской музей как историческую редкость.

А мужчина в коричневом пальто уже зашел в столовую, чтобы позавтракать. Он сел за стол и ждал официанта. Только через некоторое время он заметил, что блюда подают автоматы. Уходя, он опять оставил на столе несколько старинных монет.

После видели его у парикмахера, где ему сделали современную прическу. В магазине готового платья мужчина поменял свой прадедовский синий костюм и коричневое пальто на современную одежду. Затем он отправился в универсальный магазин...

К вечеру в городе заговорили о странном человеке...

— Удивительное дело,— рассказывал заведующий универмагом вечером своей жене.— Сегодня зашел к нам один мужчина. Одет прилично, но вел себя как-то странно. Он хотел купить — понимаешь, купить! — сразу десять пар туфель, две дюжины рубашек и еще уйму всяких вещей. Непонятный человек!

Когда странный человек пошел в городское самоуправление, все там переполошились не на шутку. Гость посетил по очереди всех заведующих отделами и требовал от них резолюции на какую-то бумагу, в которой они ничего не понимали. Потом он пожаловал к самому председателю. Последний прочитал бумажку и тоже ничего не понял.

— Прошу извинения,— сказал председатель, смущаясь.— Но не разъясните ли вы, почему вы на меня жалуетесь? Что я совершил плохого? До сих пор никто на меня не жаловался. Если я в самом деле сделал что-нибудь не так, я пойму свою вину и сразу же подам заявление об уходе.

— Ради бога, товарищ председатель! — с жаром вскричал гость.— Я на вас совсем не жалуюсь. Наоборот, я покорно прошу вашей помощи. Прошу вернуть мне мой собственный домик с садом и теплицами...

Председатель вытарашил глаза. В городе вот уже несколько десятилетий собственных домиков и в помине не было. Он прямо сказал об этом.

Гость немного замаялся.

— Ну да, я понимаю, конечно. Ну, что ж, если нельзя получить обратно домик, то по крайней мере поставьте меня в очередь на получение квартиры...

— В какую очередь? — удивился председатель.— В нашем городе очереди на квартиры? Нет, вы что-то путаете! Квартиру можете получить сейчас же, без всякой очереди.

Гость онемел от удивления. Он подумал, что над ним просто издеваются. Но когда он пошел по указанному адресу, то убедился, что председатель был прав. Уполномоченный домового комитета передал ему двухкомнатную меблированную квартиру. Гость с удовольствием шупал мягкую пластмассовую мебель, любовался из окон видами на парк.

Целую неделю он наслаждался жизнью. Ел, пил и приобретал вещи. Множество красивых вещей.

В городе все больше стали говорить о странном человеке. Наконец всех ошеломила страшная новость, которую узнал уполномоченный домового комитета:

— Он не работает, а ест!

Это было непостижимо. Это было чудовищно. Как это могло случиться? Уже несколько десятилетий в городе никто не слышал о таких случаях.

По ходатайству домового комитета была создана специальная комиссия из видных философов, историков и врачей. Врачи уже через пару дней установили, что у странного человека психических расстройств не наблюдается и с ним следует обращаться как с вполне нормальным человеком.

— Для чего вам двадцать костюмов, три холодильника и девять цветных телевизоров? — спросили человека члены комиссии. — Зачем они вам?

— Пригодятся, — спокойно ответил человек, — я люблю разнообразие.

— Ну, хорошо. А зачем понадобилось вам десять женских шуб?

— Он, видимо, женится хочет, — предположил уполномоченный домового комитета.

— В таком случае жена сама может взять из магазина, что ей нравится, — возражали другие члены комиссии. — А почему вы не работаете?

Человек пожал плечами и молча смотрел на членов комиссии. Потом после паузы нехотя сказал:

— А зачем работать, когда все можно получить бесплатно? Я не для этого сюда пришел, чтобы работать. Пускай верблюды работают. И вообще, к чему эти вопросы?

— Извините, нам поручили выяснить, кто вы и откуда вы?

— Я? — переспросил странный гость. — Я Ааду Вистрик, по трудовой книжке — ночной сторож, а по существу — владелец садоводческого участка.

Члены комиссии понимающе переглянулись. Перед ними сидел человек прошлого, носитель целого комплекса пережитков капиталистического общества. Он поэтому страдает от инстинкта собственности, хотя по природе, возможно, вполне честный человек.

— Ну, а как же вы попали сюда? — поинтересовались члены комиссии.

Из рассказа Ааду Вистрика выяснилось, что в начале шестидесятых годов, когда была принята программа коммунистического строительства, он решил всех перехитрить. Ведь его частное хозяйство тогда запретили и потребовали, чтобы он устроился на работу и покончил со своим паразитическим образом жизни. Во имя чего?

— Во имя коммунистического будущего, — ответили тогда ему.

— Я в ваше будущее не верю! — гордо ответил тогда Ааду Вистрик.

Словом, споры и дискуссии на эту тему ни к чему не привели. И вот Ааду Вистрик хотел доказать свою правоту.

— Я по знакомству достал такое снотворное,— рассказывал он,— выпил стаканчик... И проснулся только недавно в отделении городского музея. Меня, видимо, приняли за египетскую мумию...

Члены комиссии засмеялись.

— Вы не верите? — обиженно спросил Вистрик.

— Нет, почему же? — ответили члены комиссии. — Охотно верим. Мы лишь вообразили себя в вашем положении.

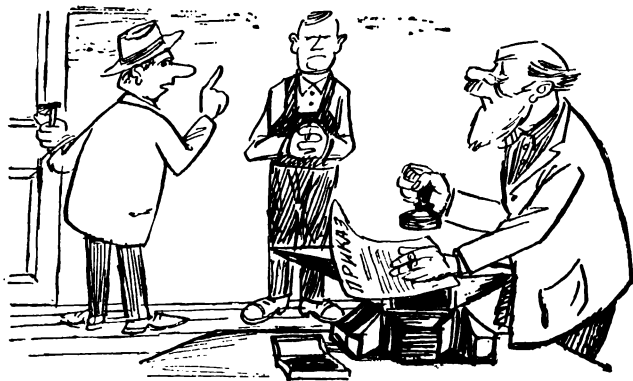
Комиссия долго обсуждала, что же теперь с Вистриком делать. Как его перевоспитать? Прежде всего его надо устроить на работу. Сам Ааду после долгих уговоров тоже согласился поработать. Но потом выяснилось, что он ничего подходящего не умеет делать. Даже образование было у него ужасно низкое — всего семь классов. А все профессии тяжелого физического труда давно канули в вечность.

Ааду Вистрик попал в нелепое, смешное положение. И помочь ему никто не мог.

В то время когда комиссия все еще заседала, приезжали люди, чтобы собственными глазами поглядеть на человека прошлого. Любопытных собиралось так много, что надо было создать на общественных началах специальную службу, которая поддерживала бы порядок и охраняла бы Вистрика в часы досуга. О человеке прошлого стали писать в газетах, о нем печатались книги, создавались учебные кинофильмы для школьников. Он стал объектом всесторонних исследований.

Последнее обстоятельство и предопределило его судьбу: городское самоуправление освободило его от обязанности работать и направило в школу учиться. Кроме того, его взяли под общественную охрану как уникальный музейный экспонат.

Через десять лет Ааду Вистрик, правда, кое-какие простейшие работы усвоил, однако полноценного члена общества из него все-таки не получилось.

НАША СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Аугуст Сакк, кладовщик утильсырья, сортировал поступивший металлолом, когда в ворота влетел «газик» соседнего колхоза «Сангар». Из машины вышел тракторист Паю и сказал:

— Слушай, старик, у тебя не найдется старой коробки скоростей? А? Для «Беларуси». Нигде не могу достать, хоть лопни.

— Посмотри-ка там, у ворот. По-моему, было что-то похожее, — ответил Аугуст и продолжал работать.

— Ага, нашел! — воскликнул тракторист через некоторое время. — Слушай, старик, я возьму эту себе, а тебе оставлю вот старую наковальню. Подойдет?

Аугуст был согласен. А вот тетка Линда, охранявшая ворота, категорически потребовала, чтобы тракторист взял у начальника подпись. Иначе она не выпустит его со склада. Начальник у них такой строгий!

— Ладно, будет подпись, — сказал тракторист и пошел в контору.

Начальник принял его очень приветливо.

— Пожалуйста, берите! Сельскому хозяйству мы всегда готовы помочь!

Он приказал машинистке напечатать разрешение, достал из шкафа печать, потом задумался.

— Гм! — сказал он, постукивая пальцами по столу. — А кто за это отвечать будет? К сожалению, у меня инструкции об обмене утиля на утиль нет. Это дело изучить надо.

Был приглашен бухгалтер. Он пожал плечами:

— Ничего не знаю. Отвечать будете, конечно, вы.

— Гм! — Начальник постучал опять пальцами по столу. — Что же теперь делать? Придется, видимо, кое с кем согласовать.

— Нечего тут согласовывать! — возразил тракторист. — Я же взамен дал вам в несколько раз больше металла...

— Нет, дорогой товарищ. — Начальник покачал головой. — Не знаешь ты нашей специфики. Здесь у нас все-таки ценности, так сказать, государственное имущество. Как мы можем его менять на колхозное имущество? Тем более, что на это и инструкции никакой нет.

Он позвонил в главную контору, но рабочий день там уже кончился. Тракторист же ни в коем случае не хотел откладывать дело до завтра.

— Я так не уйду. Иначе у меня пропадет целый рабочий день, — упрямо твердил он. — Я сам за это отвечаю!

— Дорогой товарищ, я вас понимаю, — терпеливо пояснял ему начальник. — Для сельского хозяйства мы готовы все сделать. Но кто ответит за это?

— Да ну вас!.. — рассердился тракторист. — Неужели среди вас нет человека, который взял бы ответственность на себя?

Тишина. Вздохи.

— Я возьму! — вдруг раздался голос у двери.

Это был старик Аугуст Сакк.

— Ты? — удивился начальник и засмеялся. Но тут же стал серьезным. — Гм, а в этом есть смысл! Иди сюда, старина, сядь на мое место, возьми ручку и подпиши пропуск. А я на минутку выйду.

На пороге начальник остановился, подумал и вернулся обратно.

— Нет, это не выход, — оказал он, отбирая у Аугуста печать, — могут спросить: как печать попала в руки кладовщика? Так не пойдет! И вдруг бухгалтера осенила счастливая мысль:

— А что, если назначить товарища Сакка временным исполняющим обязанности директора?

— Вот это идея! — Начальник весело шлепнул ладонью о стол. — Сейчас же оформите приказ! Гм... Гм...

Начальник опять над чем-то задумался.

— Постойте! Кажется, и этот вариант не выходит. Если я на месте, у меня не может быть временно исполняющего обязанности.

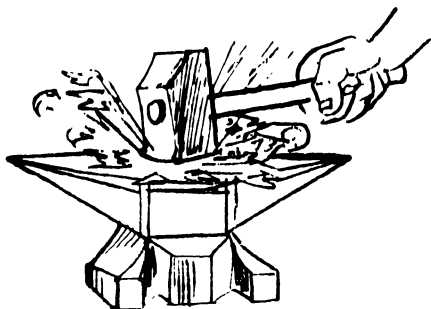
Но бухгалтер нашел опять выход:

— А вы откомандируйте себя на некоторое время... куда-нибудь подальше.

— Вот это действительно гениально! — обрадовался начальник. — Я уже давно хотел пойти в столовую обедать.

Когда командировочное удостоверение и приказ о назначении кладовщика временным и. о. начальника были подписаны, начальник пожал старику руку и предупредил, чтобы тот ни в коем случае не брался за печать до тех пор, пока он не выйдет из конторы. На пороге он сказал трактористу:

— Вот видишь, все будет в порядке. Я же сказал, что сельскому хозяйству мы всегда рады помочь. Это наша святая обязанность!

КАКАЯ ДОСАДА!

Сегодня у нас должна была состояться лекция «Образ нового человека в нашей литературе».

Во всяком случае, так гласило художественно оформленное объявление, вывешенное на дверях нашей конторы.

Мы долго ожидали лектора, наконец дождались. Через полчаса после назначенного времени лектор вошел в контору и стал здороваться за руку с присутствующими. В этот момент у него выпало из кармана что-то блестящее, круглое и закатилось под книжный шкаф.

Вы понимаете, конечно, что наш книжный шкаф — не какая-нибудь тумбочка. Это очень солидный шкаф, весом в тонну, до отказа забитый томами энциклопедии и различными словарями.

Лектор подошел к шкафу и попытался сдвинуть его с места, но безрезультатно.

Тогда на помощь ему пришел председатель месткома. Шкаф чуть заметно покачнулся. Большие часы, стоявшие на нем, упали и разбились. Шкаф остался на месте.

Затем шкафом занялись мы, пятеро самых сильных в конторе мужчин. Я сразу же был придавлен между стеной и шкафом и завопил:

— Будь под ним хоть целый склад золота, я все равно передвигать его отказываюсь. Мне мой костюм дорожел!

Все посочувствовали мне. Я предложил махнуть на шкаф рукой и начинать лекцию. Однако лектор воспротивился. Он требовал, чтобы шкаф любой ценой был отодвинут от стены. И он добился своего. Уговаривал нас, агитировал, пока мы не выполнили его желание. Это, конечно, мелочь, что несколько человек набили себе шишки. А о разбитой стеклянной двери и председательских очках и не стоит даже упоминать.

Лектор опустился на колени и ползком проворно стал копать в пыли и мусоре. После долгих поисков он встал, держа находку из ладони.

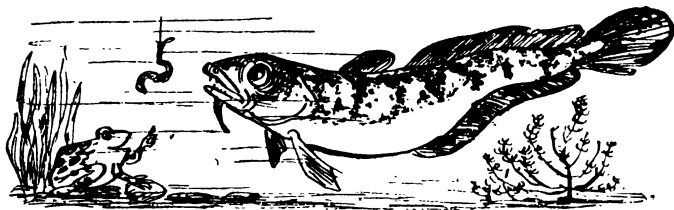
— Ах, какая досада! — сказал он. — Я думал, что уронил гривенок, оказывается, всего одну копейку...

Председатель грустно взглянул на свои разбитые очки и пробормотал:

— А мне показалось, что вы уронили золотую монету царской чеканки. Такое у вас было несчастное лицо.

Мы молча разбрелись по домам. Все так устали, что никто не в силах был слушать лекцию о новом человеке.

ПРЕМУДРЫЙ НАЛИМ

— Отныне я ваш повелитель,— сказал однажды старый Налим обитателям своего озера.— Помните: без моего ведома никто не разрешает себе никакого движения! Ни одним плавником! Непослушные будут съедены.

Обитатели озера делали вид, будто они ничего не слышали, и старались уплыть подальше от резиденции Налима. Только наивные пескари, молодые лещи и караси приняли Налима всерьез и стали всячески заискивать перед ним.

Первыми к Налиму приплыли пескари.

— Дорогой и премудрый наш руководитель,— пели они хором.— Разреши нам использовать прошлогодние водоросли.

Налим долго не двигался, чтобы выглядеть солидным. А потом спросил:

— Для какой надобности они вам?

— Мы гнезда строим на дне озера. Нерест приближается.

Налим опять долго стоял неподвижно. А потом произнес:

— Нерест, говорите? Да, это ответственное дело! Над этим подумать надо! Приходите послезавтра.

Через три дня верноподданные пескари снова пожаловали к своему руководителю. Налим спросил:

— А, собственно, почему вы хотите именно прошлогодние водоросли?

— Они нам больше всего подходят. Лучше других.

— Ого! — засмеялся Налим.— У вас, я вижу, нет элементарной скромности и сознательности. Настоящие патриоты не должны требовать лучшего. Понимаете? Разрешаю пользоваться только позапрошлыми...

Пескари повесили носы и отправились на поиски позапрошлых водорослей, которые сгнили еще в прошлом году.

А тем временем к Налиму пожаловала стайка молодых лещей.
— В воде озера плавают личинки комаров. Дорогой Налим, позволь нам их съесть!

Налим опять долго не двигался. Только под вечер сказал:

— В воде, говорите, плавают? А почему личинки комаров плавают в воде? Комары ведь в воздухе летают. Нет, над этим подумать надо! Приходите на следующей неделе.

На следующей неделе лещи уже больше к Налиму не явились, ибо за неделю все личинки превратились в комаров и поднялись в воздух.

Все мало-мальски сообразительные обитатели озера скоро поняли, что их руководитель — просто оторванный от жизни дурак. Зарылся у себя в иле под корягой и знать ничего не знает. Все, даже молодые лещи, покинули премудрого Налима. Только простаки-караси по-прежнему продолжали кружиться вокруг его коряги. Привлекая к себе налиме внимание, они надеялись извлечь из него какую-либо пользу для себя. Они спрашивали: как лучше глотать комаров — с головы, с хвоста или боком? Если Налим случайно произносил какое-либо слово, караси подобострастно повторяли его на все лады, превознося налиминый ум и эрудицию. И поэтому польщенный Налим разрешал им все, о чем они просили.

Однажды караси приплыли к своему повелителю и спросили:

— Многоуважаемый премудрый Налим! Позволь нам съесть червяков, которые висят на железных крючках!

Налим ответил:

— Для вас, милые караси, у меня нет никаких ограничений. Ешьте на доброе здоровье.

И с того дня подхалимы-караси стали быстро исчезать. Вскоре в озере не осталось ни одного взрослого карася.

А премудрый Налим одиноко плавал по озерцу, удивляясь, что никто больше его не приветствует.

— Куда делись мои милые караси? — спросил он у лягушки, сидевшей на камне.

Лягушка засмеялась:

— Это совсем легко узнать. Очень легко. Надо только проглотить вот этого червячка, висящего на крючке.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Плата за принцип	3
Честь в три копейки	6
Ревизия	9
Приглашение	13
Все в порядке	16
Видрик пилит дрова	18
Сказка о смехе	20
Льготный талон	23
Светло-желтый портфель	25
Случай с инспектором Сульгом	29
Инициатива	33
Плииз!	37
Тугоухий	40
Трубы	41
Анне	43
Духовные братья	46
Секрет смеха	49
Человек из прошлого	53
Наша святая обязанность	57
Какая досада!	60
Премудрый Налим	62

ХАРРИ ЛЕХИСТЕ

ПЛАТА ЗА ПРИНЦИП

Редактор Н. Баженов.

Техн. редактор А. Котельникова.

А 00040. Подписано к печати 27/II 1963 г. Объем 1 бум. л. 70×108^{1/2},
2,74 печ. л. Учетно-изд. л. 3,25.
Тираж 229 300 экз. Издательский № 213. Заказ № 3319.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 8 коп.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИДА

7

348